Охотничий «Декамерон»

Автор:
Геннадий Генин

Охотничий «Декамерон»

Геннадий Генин

Наша повседневная жизнь изобилует смешными сюжетами и сценами, но в суматохе будней мы их не замечаем. А когда наблюдаешь за жизнью собак, присмотрись – ведь это целый фейерверк смешных историй. Деятельность охотничьих и служебных собак показывает, что у них то точно кроме инстинктов есть еще и мыслительные процессы. Сюжеты этой книги основаны на реальных событиях и подтверждают указанную выше мысль. Книга описывает поведение собак на любительской охоте. В книге охотничьи байки пропитаны юмором, которыми обмениваются охотники на привалах и в свободное время.

Геннадий Генин

Охотничий «Декамерон»

Использование текста произведения, а равно его части без письменного согласия автора является нарушением авторских прав.

Глава 1.

Воспоминания о службе

Стояло теплое солнечное утро ранней осени семьдесят третьего года прошлого века. Я, молодой лейтенант, призванный из запаса после окончания института, шел со своим взводом на огневой городок, где на «качалках» стояли танки моего взвода. «Качалки» – это такой механизм, который позволяет установленный на нем танк качать в двух плоскостях и создавать иллюзию движения находящемуся в танке экипажу. Личному составу взвода предстояло проведение технического обслуживания боевых машин. Надо сказать, что наша часть была дислоцирована на территории Чехословакии – было в то время такое государство. Огневой городок находился в небольшой ложбине, по периметру поросшей кустами ежевики, примерно в трех километрах от расположения нашего полка. Все оборудование городка охранялось круглосуточно караульным постом.

По межгосударственному соглашению, учебные базы нашей группировки могли использовать наши союзники по договору – подразделения Чехословацкой армии. Вот и сегодня, подойдя к городку, я обнаружил на стрельбище стрелковую роту чехословаков, которая проводила занятия по огневой подготовке с боевой стрельбой по мишеням.

Учебный процесс у них несколько отличался от нашего: один взвод роты находился на огневом рубеже, а остальные два были предоставлены сами себе, то есть попросту болтались. Большое количество солдат-чехословаков окружило нашего караульного, они с неподдельным интересом рассматривали его автомат АК-47. В Чехословацкой армии был принят на вооружение автомат (они его называют «самопал») – почти точная копия нашего АК, только поминиатюрнее, полегче. Соответственно боевые характеристики этого оружия были слабее, поэтому наш АК вызвал у них понятный интерес.

Караульный солдат-первогодок был родом из сильно Средней Азии, из славянских языков знал, впрочем, весьма условно, лишь русский, да и то в объеме, который успел ему привить старшина роты. А тут к нему обращались на чешском, хотя и на славянском, но все же непонятном для него языке. Однако он понял, чего от него хотят чехи, и стал с некоторой долей гордости демонстрировать свое оружие. Для этой цели он передернул затвор автомата, а затем, якобы в целях безопасности, отсоединил магазин. Но один-то патрон он уже загнал в патронник! Я этого не видел, но сам факт, что караульный, находясь на посту, вступил в отношения с посторонними, обязывал меня вмешаться в эту ситуацию. Я бросился к нему, но было уже поздно – прозвучал выстрел. Видимо, он, считая, что оружие разряжено (ведь он же отсоединил

магазин от автомата!), нажал на спусковой крючок, и единственный патрон, находящийся в патроннике, выстрелил. Окружавшие его солдаты мгновенно исчезли, а один упал.

Караульный до того растерялся, что бросил свой автомат на землю. Когда шок от выстрела прошел, все бросились к жертве этого случайного выстрела.

Подбежал руководитель занятий – поручик и с ним санинструктор роты. Пострадавший лежал на земле, истошно кричал и держался двумя руками за свои ягодицы. Санинструктор не мешкая расстегнул ему брюки и оголил раненую область. Пуля пробила почти под кожей обе половинки ягодицы, и каждая имела аккуратные входные и выходные отверстия, из которых обильно текла кровь. Этот «эскулап», рядовой срочной службы, впервые познакомившийся с медициной в полковой школе шесть месяцев назад, торопливо достал армейский бинт с двумя подушечками и начал пытаться забинтовать ранение от пули. Но тут же встал в тупик – подушечки было две, а ранки четыре! Кроме того, ягодицы не конечность – повязка не держалась. После нескольких попыток он, махнув рукой, забил все пространство меж ягодиц ватой, а на крайние раневые отверстия наложил подушечки и затянул их бинтом, обмотав его поперек туловища. К этому времени подошла «скорая помощь», и его благополучно увезли.

Конечно, это была неприятная история, связанная с легким ранением и закономерным интересом военной прокуратуры, как нашей, так и чехословацкой стороны. Я был одним из многочисленных свидетелей этого события, но мне завтра надлежало убыть в учебный центр нашей дивизии, полигон которого сослуживцы ласково называли «Любава». Из-за того что я был очевидцем этого печального факта, мое убытие на полигон запросто могло растянуться по времени, однако обошлось.

По прибытии на полигон я встретил своего коллегу, которого должен был сменить. Мой однополчанин, не выразив эмоций на лице, тем не менее так долго и крепко жал мне руку, что мне пришлось сделать ему замечание.

– Прошу тебя, убавь усилие рукопожатия, иначе у меня может развиться гангрена кисти руки. И еще: сделай приветливое лицо и покажи мне место, где я могу положить свои вещи!

Он торопливо кивнул в знак полного со мной согласия и наконец, настроившись на деловой лад, начал скороговоркой передавать мне служебную информацию, затем, заторопившись на отъезжающий в полк автомобиль, исчез. Я лишь усмехнулся – вот, сколько сумятицы может внести простое желание скорее попасть домой, в полк. Видно, здесь ему «служба медом не показалась», ну да ладно, посмотрим. Пришлось самостоятельно знакомиться с самим учебным центром.

Административный и жилой сектора состояли из нескольких деревянных одноэтажных зданий штаба, столовой, казарм, а также других строений вспомогательного назначения. Все здания строгим порядком стояли вокруг большого асфальтированного плаца прямоугольной формы, предназначенного для построения личного состава полигонной команды и состава прибывающих на полигон подразделений. Примерно в километре от административного сектора находились парк боевых машин и здание солдатского клуба, в котором каждый вечер показывали бойцам какой-нибудь фильм.

В первый же день я встретил одного из героев моего повествования. Это был пес неопределенной породы, среднего роста, с окрасом, который удачно подходил к условиям воинской части: буровато-коричневая шерсть с бывшими белыми при рождении пятнами замысловатой конфигурации. На шее, скорее даже на груди, висел на блестящей тонкой цепочке жетон, напоминающий офицерский или жетон сверхсрочника. По всей длине этого незамысловатой принадлежности шла надпись латинским шрифтом – «Дембель», причем после последней латинской буквы был прописан взятый из кириллицы мягкий знак, как бы подчеркивая убогость алфавита английского языка в передаче русской фонетики. Впрочем, ниже все слово было продублировано на кириллице. Этот жетон с цепочкой придавал псу деловой вид и даже некоторую щеголеватость.

Он целеустремленно бегал по жилому сектору и обследовал каждый угол, каждую выступающую над почвой возвышенность с целью обнаружения «несанкционированного» им запаха, «столбящего» эту территорию. Обнаружив таковой или находя объект без запаха, пропущенный им ранее по халатности, тут же ставил свой «маркер».

При встрече со мной он прервал этот благородный процесс и, как мне показалось, настороженно на меня посмотрел. Как потом стало известно, он, оказывается, всех военнослужащих делил на три категории по степени потенциальной для него опасности: солдат, прапорщиков и офицеров. Выделял

он, правда, еще одну категорию, ни об этом попозже.

Этот пес появился на полигоне благодаря солдатам – водителям из сводной автороты дивизии, которые были направлены в командировку на весь сезон для уборки урожая аж в Казахстан. Привезли его щенком-подростком, так что он вырос и получил воспитание здесь, на полигоне, в солдатской среде. Он сразу же получил кличку Дембель и, не смотря на свой юный возраст, охотно откликался на нее.

Пес обладал хорошим собачьим интеллектом, а все обучение у него проходило в процессе игр, информацию на удивление быстро усваивал, Кроме того, обладая хорошей памятью, впитывал и заполнял все «свободные ячейки мозга» основными ситуациями, которые возникали в его жизни, и, самое важное, знал, как применить накопленный опыт в том или ином случае.

Однажды он имел неосторожность во время общего построения личного состава на плацу выйти перед строем, да еще лечь между строем и командиром полигонной команды, в то время как майор доводил какой-то приказ. Майор немедленно приказал старшине убрать этого «наглеца» и пообещал, что при первом же убытии в отпуск в Союз обязательно возьмет с собой этого «мерзавца» и сдаст его в Москве в корейский ресторан. Солдатам эта ситуация показалась забавной, и они тут же ее использовали, обучив Дембеля реагировать на словосочетание «корейский ресторан»: как только пес слышал эти два слова, он обхватывал лапами голову, падал на землю, начинал перекатываться с боку на бок и поскуливать, По замыслу эти манипуляции должны были соответствовать фразе: «Шеф, я виноват, готов понести любое наказание, но только не это!»

Самым любимым местом у него, естественно, была столовая. Солдаты-повара постоянно его чем-нибудь подкармливали: то косточку дадут, то угостят порционной кашей, а то и вовсе осчастливят сырыми мясными отходами. Первое время он вообще дальше чем на пятьдесят метров от столовой не отходил, пока однажды не попался на глаза санитарному врачу дивизии, который проводил обследование этого объекта. Санитарный врач в звании подполковника сделал энергичное внушение заведующему столовой – Прапорщику с подходящей для этой должности фамилией Борщ. Часть этой энергии внушения тут же была перекинута на Дембеля, причем в некой доходчивой для пса форме, и тот быстро усвоил, что в общей массе людей надо выделять, кроме солдат, еще прапорщиков и офицеров, при встрече с которыми надо быть всегда настороже.

Конфликтных ситуаций с этими двумя категориями военнослужащих он не допускал, старался меньше находиться в поле их зрения – от греха подальше. С категорией прапорщиков у него сложились некие почтительно-недоверчивые отношения.

Однажды мы были свидетелями такой сцены. Со стороны столовой бежал Дембель с большим куском сырой печени в зубах, а за ним бежал прапорщик Борщ и кричал: «Стоять, козлина, не то покараю!» Видимо, возрастной период, когда у него в голове постоянно гулял ветер, который неизбежно выдувал из неё здравые мысли уже прошел, поэтому только что нареченному «козлу» перспектива вдрызг разрушить взаимоотношения с прапорщиком показалась недальновидной: он резко остановился, бросил на землю кусок печенки и, отойдя немного в сторону, сел в позу стороннего наблюдателя, а для пущей убедительности начал позевывать. Прапорщик подбежал, поднял этот объект заинтересованности как прапорщика, так и Дембеля, осмотрел его и со словами «вот козел» отбросил кусок печенки в сторону – как теперь уже совершенно непригодный для кулинарии.

В это время к ним подошел начальник материального склада прапорщик Ерофеев, который удачно сочетал на тот момент в себе загадочную улыбку и офицерские хромовые сапоги. Среди сослуживцев он был знаменит своими неожиданными, почти, что философскими высказываниями типа «пить красное вино нужно для здоровья, а здоровье нужно для того, чтобы пить крепкий самогон».

Подошедший «парафилософ» тут же использовал свою особенность и многозначительно заметил: «Он не козел, а гораздо хуже, он козлом только прикидывается». Такое замечание, по мнению Ерофеева, раскрывающее всю суть натуры Дембеля, несколько снизило остроту ситуации, и Борщ начал успокаиваться, хотя, как утверждали потом злые языки, заведующий столовой понес ощутимую утрату – этот кусок печени он приготовил для себя, хотел пожарить себе любимое блюдо на день своего рождения. Но не судьба…

На этот раз Дембель выступил в роли справедливого возмездия, сам того не желая. Надо заметить, что у Ерофеева также были основания критически относиться к «жизнедеятельности» этого всеобщего любимца, поскольку на тот момент меж ним и псом существовала «тяжба», которая находилась на пике своей активности.

Суть этой «тяжбы» заключалась в следующем. Материальный склад, которым заведовал Ерофеев, находился недалеко от столовой, а Дембель, периодически делавший «ритуальные» посещения хранилища сахарных косточек и других мясных отходов, вынужден был каждый день многократно пробегать мимо склада. По его разумению, он не мог допустить появления конкурентов (да еще в таком «хлебном» месте), справедливо полагая, что если дать им слабину и не контролировать территорию, то вскоре они уже «начнут торопливо скрести своими ложками о дно твоей миски, вылавливая лучшие куски».

Учитывая это обстоятельство, он постоянно заявлял свои претензии на «жизненное пространство» путем постановки своих меток. Кроме того он полагал, что на территории обозначенной его метками не может возникнуть конфуз, который случился в его юности.

Однажды на территорию учебного центра забежала собачья свадьба и Дембель присоединился к ней надеясь на получение главной роли в этом процессе, поскольку полагал, что всю территорию центра он оградил своими метками и все участники свадьбы поймут кто здесь главный. Однако, не смотря на этот факт, ему досталась унизительная роль стороннего наблюдателя, в то время как соперник, по возрасту его сверстник, передавал свои гены.

Склад представлял собой длинное одноэтажное здание, вход в которое находился в торце. Над входом нависала крыша, которую поддерживали две деревянные опоры. Вот их-то пес посчитал самым удобным местом для размещения своих «маркеров» и каждое посещение столовой и при возвращении из нее оставлял на них свою метку.

Стояла жаркая погода золотой осени, и эти метки стали вскоре доступны для обоняния не только собачьим носам возможных конкурентов, но и человеческому носу. И первым владельцем такого носа оказался зам. по тылу комдива, который квалифицировал эти метки как «форменное безобразие». Соответственно прапорщику Ерофееву было сделано внушение и отдан приказ устранить это «разгильдяйство». Ерофеев тут же метнулся выполнять этот приказ и сразу же уяснил, что путей для его реализации немного – всего только два. Первый и самый легкий – смыть шампунем следы «противозаконной маркировки» с опор крыльца. Сделано. Остался второй – недопущение повторения этого злодейства.

Вот тут-то исполнение приказа несколько забуксовало, дело в том, что Дембель, по всей вероятности, считал присоединение здания склада к своей

контролируемой территории очень удачным приобретением и ревностно заботился о своевременном размещении «маркеров» на здании. Однако Ерофеев, используя швабру и свое преимущество в должности, силе и авторитете, попытался вдолбить в голову пса мысль: «противиться мне это все равно, что играть с пираньями в водное поло – обязательно проиграешь». Тут он добился некоторого успеха и сделал невозможным псу заявить о контроле над этим участком, но только в течение времени нахождения прапорщика па своем служебном месте. Но Ерофееву нужно было отлучаться со склада по служебным

делам, на обед, отдых и для прочих дел. Дембель же пробегал мимо своего объекта повышенного внимания в течение всего дня многократно, и если обнаруживал отсутствие прапорщика, то тут же не мешкая ставил метку.

Однако Ерофеев вовремя вспомнил, что у него были умелые руки, а в комплекте к ним еще и умная голова. Через несколько часов напряженной мозговой деятельности он разработал и применил новый тактический прием.

Как я уже говорил, крышу над входом поддерживали две деревянные колонны, которые когда-то были окрашены натуральной олифой, а две ступени, ведущие к входной двери, оставались без какого-либо покрытия. Негодующий ум прапорщика придумал следующую безобидную деталь, которая должна была поставить перед неискушенным разумом Дембеля непреодолимую проблему: он собственноручно покрасил поддерживающие колонны нитроэмалью защитного цвета. По замыслу пес должен был отказаться от маркировки колонны, так как резкий запах ацетона заглушил бы любую метку и само это действо потеряло бы всякий смысл.

Действительно, через полчаса подбежавший Дембель попытался было взять анализ воздуха с поверхности одной из колонн, но тут же поперхнулся и в течение некоторого времени чихал, прочищая нос. Затем несколько секунд размышлял, а потом провел «ритуал отчуждения территории»… прямо на ступени крыльца! Такое развитие событий привело прапорщика в замешательство, но ненадолго.

Несмотря на приближавшийся вечер, Ерофеев, не пожалев эмали и своего свободного времени, покрасил ступени крыльца. «Ну вот, теперь метки ставить будет некуда», – подумал этот борец за справедливость и, отмыв руки от краски, пошел спать. На следующее утро Дембель, совершая «ритуальную» пробежку мимо склада, подбежал к деревянным опорам крыльца, ткнул в них носом и

пришел к выводу, что, конечно, много посторонних запахов (ацетон еще не весь испарился), но по сравнению со ступенями возможные конкуренты наверняка обнаружат на поддерживающих колоннах его «заявку». Пес быстро поднял лапу и окропил опору тройной порцией (для надежности) «маркировочного материала». Все, круг замкнулся – теперь можно бесконечно красить, а Дембель будет легко обходить это препятствие!

Прапорщик Ерофеев по этому поводу впал в отчаянье и состояние близкое к депрессии. Даже на замечание своего земляка, долго не видавшего Ерофеева, что, дескать, он сильно загорел за это лето, прапорщик ответил:

– Это не загар, это я почернел от печали!

Сослуживцы все видели борьбу этих «титанов» и ее результат. Кто-то из коллег, считавший себя большим докой в кинологии, подсказал, что, дескать, надо клин клином вышибать и самому своей меткой заявить о контроле над этой территорией. По замыслу у противоборствующей стороны должно было создаться впечатление о том, чтоДембель опоздал и у этой территории появился более могущественный владелец.

Прапорщику ничего другого не оставалось, и он, немного поколебавшись, в сумерках (чтобы никто не видел) поставил свои «метки» в местах, где это делал обычно пес. Утром Ерофеев, несколько замаскировавшись, нетерпеливо и с нескрываемым злорадством ждал этого наглеца. Вскоре показался пес, осмотрелся и, не заметив Ерофеева, подбежал к опорам крыльца, обнюхал их. Было видно, что результат экспресс-анализа его несколько озадачил. Он вновь, более тщательно провел анализ всех запахов колонны крыльца. Из всего этого ароматного букета он выделил запах соперника и вынужден был признать – опоздал! Теперь эту территорию контролировал этот прапорщик, которого он одновременно и побаивался (манипуляции со шваброй), и уважал (военнослужащий). Дембель ограничился обнюхиванием и побежал дальше по маршруту. Ерофеев заслуженно ликовал. Он нашел надежный (как ему казалось) способ мирного выхода из проблемы, но фактически это был вход в еще большую проблему.

На третий день ерофеевского ликования Дембель, следуя по маршруту, как всегда, обнюхал опоры и обнаружил значительное снижение мощности запаха «маркера». Он тут же сделал вывод – прапорщик потерял интерес к этому объекту. Пес моментально воспользовался ситуацией и вновь заявил о

«претензии» на эту территорию. Ерофеев заметил этот неожиданный поворот событий и, скрипя зубами, пришел к выводу: необходимо, в зависимости от температуры воздуха, периодически обновлять свой «посыл» этому наглецу. Вскоре запах дембелевских маркеров сменился на вполне конкретный запах меток Ерофеева. Хрен редьки не слаще!

Прапорщик замкнулся и посуровел настолько, что когда бросал взгляд на часы-ходики, висевшие в его каптерке, у них останавливался маятник, а после отвода взгляда маятник вновь начинал движение, отсчитывая время до окончания службы. Сослуживцы начали откровенно подтрунивать над ним.

Однажды в столовой во время обеда один из самых активных весельчаков, позевывая, выразил озабоченность развитием взаимоотношений между Ерофеевым и Дембелем, затем многозначительно произнес:

– Я знаю, почему ты не можешь победить в борьбе с Дембелем.

– Почему?

– Ты некачественно ставишь метки.

– Это еще почему?

– Когда ставишь метку, надо поднимать ногу, иначе Дембель не признает эту процедуру юридически обоснованной!

Всеобщий хохот в столовой окончательно испортил настроение Ерофееву на целый день. Прапорщик удалился на свой склад, заперся в своей каптерке и начал строить тактические планы по дальнейшей борьбе с Дембелем,так как перспектива ставить свои метки постоянно его не устраивала.

Как я уже говорил, пес делил всех военнослужащих на три категории: собственно солдат, прапорщиков и офицеров. Различал эти категории он, очевидно, по форме одежды, причем его невозможно было запутать, переодевшись из полевой формы в повседневную и обратно. Первый кризис в его системе опознавания «свой-чужой» у него появился после того, как на полигон приехало на практические стрельбы танковое подразделение

Чехословацкой армии.

Чехословаки расположились в наших пустующих казармах и в личное время свободно передвигались по жилому городку. Дембель был в замешательстве – он не знал, к какой категории отнести этих странных военнослужащих в странной форме, пытающихся заговорить с ним или отдать какую-либо команду на непонятном ему языке. Вскоре кто-то из чехов, очевидно не очень большой любитель животных, обратил внимание на пса, который задумчиво глядел на него (видимо, включил систему опознавания «свой – чужой», а она пробуксовывала). Тому такое внимание надоело, и он злобно процедил сквозь зубы примерно так: «Пшел причь, пся крев!» А чтобы у Дембеля не возникли трудности с языковым переводом, чех подкрепил свою команду пинком. С этого момента Дембель уже не сомневался, что этих ребят ни в какую из трех категорий отнести нельзя и это, скорее всего, в переводе на человеческий язык и с точки зрения пса, «не совсем друзья» нашим военнослужащим. Теперь он стал определять их по форме одежды и считать чужаками.

С тех пор Дембель обходил стороной представителей дружественного нам военного блока, причем при встрече всегда слегка приподнимал шерсть на загривке, но отнюдь не в знак приветствия.

Вскоре нашу дивизию задействовали в учениях на другом полигоне, расположенном на противоположном конце страны, у самой границы с ФРГ. Боевая техника нашего учебного центра прибыла на новый полигон железнодорожным транспортом.

Перед началом учений командир дивизии решил проверить навыки вождения танков командирами соответствующих подразделений. Все наши отцы-командиры от батальонного звена и выше должны были, управляя танком, пройти маршрут с элементами различной сложности.

Наиболее сложным считалось преодоление «горки», с остановкой на подъеме и спуске. Сразу же после спуска необходимо было преодолеть вырытый в грунте котлован, заполненный водой, шириной немного больше ширины танка, глубиной полтора и длиной метров пять. Этот элемент маршрута должен был дать практику водителю танка преодолевать брод в водной преграде.

Надо сказать, что в моем родном батальоне замполитом был майор предпенсионного возраста, который прибыл к нам по прямой замене из артиллерийского подразделения. Естественно, водить танк он не умел. По прибытии в полк на занятиях ему показали, как это делается, и он даже провел танк самостоятельно пару сотен метров. На этом его обучение вождению закончилось. Сейчас же поступил приказ, и хочешь не хочешь, а выполнять его надо.

Командиры-танкисты всех подразделений начали сдавать зачет по вождению без каких-либо замечаний, показывая хорошее время прохождения маршрута.

Генерал был доволен как от выучки командиров, так и от своей идеи проверки. Настала очередь нашего замполита. Майор сел в танк, завел его, поставил ручкой управления почти максимальные обороты двигателя и начал свой «исторический заезд». Наш комбат прокомментировал это событие примерно так: «Я предполагаю, что конец света, возможно, начнется с этого заезда».

Между тем замполит погнал танк на максимальной скорости, сшибая по пути ограждения, знаки разметки и прочее оборудование учебного маршрута. Причем нигде не снижал скорости, как он впоследствии объяснил, не мог в движении нащупать(!) педаль тормоза. На полной скорости лихо подкатил к тренажеру «горка», где должен был затормозить и удержать танк на подъеме и спуске.

Конечно, нигде он не останавливался, а с вершины «горки» прямо-таки полетел по инерции, невольно изображая «летающий танк». И в таком режиме влетел в ров, наполненный водой. Дальше, по рассказу очевидца-офицера, находившегося на наблюдательной вышке рядом с генералом, произошло следующее.

Комдив полдня наблюдал за сдачей зачета по вождению, сильно утомился, бинокль «держал без рук, одними бровями». В какой-то момент вдруг видит, как лихой танкист, пролетев половину спуска с горки по воздуху, с размаху влетел в котлован с водой и из котлована вместо танка появился водяной вал, эдакое «сухопутное цунами», которое начало двигаться в сторону наблюдательной вышки.

Изумлению генерала не было предела, его брови поползли вверх, бинокль выпал. К счастью, не доехав пару десятков метров до вышки, танк заглох.

«Цунами» самостоятельно, по инерции еще продвинулось около десяти метров, но, не чувствуя сзади своего «инициатора», пошло на убыль и превратилось в обыкновенную лужу, правда очень большую.

Неподдельное изумление генерала сменилось к тому времени на справедливое негодование от такого «мастерства». Оставшиеся несколько человек, не успевшие сдать зачет по вождению, уже не смогли бы полноценно пройти элемент маршрута «водный брод», поскольку в котловане не осталось воды – замполит ее всю «увез» в сторону вышки.

Комдив быстро сделал вывод, что выучка у подразделений недостаточна на тот момент, и отправил личный состав дивизии на две недели по своим учебным центрам «оттачивать мастерство».

Очевидно, это был лишь повод изменить дату начала учений, поскольку в нескольких десятках километров, на территории ФРГ, у войск НАТО также произошло изменение в дате начала учений их подразделений. Такие тонкости стали нам известны, естественно, из различных «свободных голосов», вещавших на русском языке. Но политика политикой, а меня этот факт коснулся непосредственно.

Из учебного центра «Любава» прибыло восемь учебно-боевых машин разных типов под охраной полигонного караула, где начальником караула был назначен я. Так вот в соответствии с последним приказом подразделения дивизии убыли, а я с караулом для охраны восьми единиц боевой техники остался, так как отцы-командиры посчитали нецелесообразным возвращать технику на зимние квартиры сроком в две недели.

Караул состоял из шести человек, я седьмой, плюс Дембель. Начпрод оставил мне для питания семи человек сухой паек на четыре дня и пообещал, что пришлет еще необходимое количество продуктов автомашиной в расчете на десять дней примерно через два-три дня.

Но, как потом стало известно, он попросту забыл о нас. Автомобиль с продуктами и с извинениями прибыл через девять дней после обещанной даты. Мощной радиостанции у нас не было, сообщить о своем бедственном положении я не мог, пришлось искать выход из проблемы самостоятельно.

Этот полигон (его называли «Мемонь») находился в горнолесистой местности, на месте бывшего (во время войны) учебного центра Вермахта. Мы устроились с относительным комфортом в старом просторном немецком блиндаже, организовали быт и караульную службу.

Дни потекли как-то незаметно, по распорядку. Но, как выразился старшина, для полного солдатского счастья не хватало бани, необходимость которой была очевидна. Как немцы из учебного центра Вермахта несколько десятков лет назад обходились без этого «храма санитарной гигиены» – большая загадка. Недалеко от нашего «спального» блиндажа торчал на поверхности, как гриб, старый немецкий железобетонный ДОТ, размером примерно два метра на три. Старшина обратил внимание на этот образец творения немецкой военной мысли и стал усиленно думать, как извлечь из него корысть. Он задумчиво походил вокруг ДОТа, зашел вовнутрь, Слегка попинал стенки ногой и, убедившись, что ни время, ни события не нанесли ущерб строению, решил его использовать… под баню.

Мысль о бане, видимо, родилась у него в соответствии с жившей среди солдат-танкистов нашего подразделения байки о том, что наш старшина ранее служил в учебном танковом подразделении и ему часто приходилось находится в танке во время движения без шлемофона, по этой причине сослуживцы рекомендовали всем вводить «корректирующий коэффициент» почти на все его решения, хотя в данном случае к этому решению, скорее всего, подтолкнул его вид закопченных стен (сквозь копоть на стене виднелся старый немецкий текст, из которого можно было прочитать одно слово – «ферботен» («запрещается»), и как бы наперекор смыслу этой надписи по копоти шли современные солдатские «наскальные рисунки» в виде незабвенных буквенных сочетаний ДМБ с припиской года).

Идея обустройства бани заполнила все его мозги и, как я полагаю, вытеснила оттуда на время реализации этого проекта почти все мысли, не имеющие отношения к строительству, и возможно, даже часть инстинктов. Для оборудования бани старшина нашел две половинки старого немецкого фугаса размером около метра в диаметре. Каждая из половинок производила впечатление «офисного казана» для бешбармака. После некоторых раздумий старшина водрузил одну емкость на небольшой очаг, а вторую, для холодной воды, поставил на пол. Видимо, процесс обустройства бани «курировала его строительная муза», поскольку он напринимал столько оригинальных решений, что непременно бы утер нос немецким военным строителям, если бы «творил»

одновременно с ними. Вскоре это сооружение он объявил баней «по-черному» и запалил дрова в очаге, предварительно заткнув все амбразуры. Дым из ДОТа выходил через штатное вентиляционное отверстие на крыше, а приток свежего воздуха осуществлялся через отверстие в двери. Тяга оказалась хорошей, и через три часа непрерывного сжигания дров в очаге температура внутри была не меньше, чем в сауне. После небольшого проветривания помещения этой импровизированной бани личный состав уже млел от банных процедур. Начало сбываться предсказание старшины: «С баней вам будет так приятно служить, что улыбку с вашего лица сможет снять только хирург!».

Все было прекрасно, однако на третий день меня и старшину уже мучил вопрос: чем кормить людей через день-два? Старшина был в звании прапорщика, а это звание уже обязывало его решить эту бытовую проблему. Он целый день ходил и «морщил ум», а к вечеру выдал план построения нашего благополучия. Старшина предложил следующее.

– Нам необходимо мясо, хлеб, овощи.

– Старшина, ты прозорлив, как три студента вместе! Но как, скажи мне, добыть мясо, не покушаясь на жизнь нашего любимца Дембеля?

– Надо организовывать охоту на кабана.

Такое предложение застало меня врасплох. Мои мысли были в поиске, но почему-то не в этом на правлении. Ну что ж, не так страшен черт, как его малютка!

– Ну, допустим, оружие у нас есть, но где мы возьмем патроны?

Надо сказать, что мой караул был вооружен двумя автоматами АКС («Калашников» со складным прикладом), но без патронов. Кроме того, на каждом танке стоял спаренный пулемет, но опять же без патронов. Однако это обстоятельство нисколько не смутило нашего «гения компромисса» (очевидно нахождение в движущемся танке без шлемофона имело кроме отрицательного еще и положительный эффект).

– Товарищ лейтенант, постройте личный состав и прикажите выложить все содержимое карманов, уверяю вас, патронов к автомату вы найдете достаточно.

Я так и поступил. Действительно, в многочисленных карманах танковых комбинезонов бойцов я обнаружил и изъял восемнадцать боевых патронов для автомата АКС, причем больше половины были с трассирующими пулями. Конечно, это был побочный эффект учений с боевой стрельбой, и нужны они были солдатам, очевидно, для сувенирных поделок. К тому времени мысль старшины уже расползлась по древу нашей проблемы, и он подсказал еще один источник боевых патронов, но уже к спаренному танковому пулемету. Поскольку наша боевая техника была из разряда учебно-боевых машин, на учениях из них велась боевая стрельба из спаренного пулемета. По неопытности заряжающих (когда заряжающий два раза передергивает затвор снаряженного пулемета) или во время самого снаряжения пулемета питающей лентой, а может, по другим причинам, боевые патроны падали на поворотный пол танка и закатывались в конце концов под него. Старшина поднял поворотные полы всех машин и собрал коллекцию из годных к стрельбе двенадцати патронов. Таким образом вопрос с оружием вроде бы решался, осталось найти дичь.

Надо сказать, что на территории полигона произрастали многочисленные дубовые рощицы, дававшие осенью обильные урожаи желудей. Этим обстоятельством самым бессовестным образом пользовались многочисленные семейства диких кабанов. Сюда они приходили, как в командировку, из соседних с полигоном районов. Местные охотобщества, как нарочно, раскладывали до самых границ полигона подкормку для них в виде небольших кучек доброго картофеля и моркови. Это побуждало кабанов подойти к границе полигона и даже перейти ее, и они тут же находили этот «дубовый деликатес». Поиски заканчивались общим актом чревоугодия, сопровождавшегося довольным хрюканьем. Так что с дичью проблема тоже не просматривалась. Взвесив все эти обстоятельства, я принял решение организовать охоту на кабана в пределах нашей территории двумя группами: я с Дембелем – поисковая группа и старшина с двумя бойцами, вооруженный снятым с танка спаренным пулеметом, – в засаде в местах возможной кормежки кабанов. Охоту начали ранним утром, еще в сумерках. Я, с автоматом наперевес и Дембелем, осторожно (вечером прошел дождь и под ногами листва не шуршала) обходили места возможных кормежек свиней, однако мы чуть было из охотников не превратились в объект охоты. Пробираясь сквозь заросли кустарника, я услышал характерный металлический лязг взводимого пулеметного затвора и понял – дело дрянь. Группа старшины вполне могла принять меня и пса в темноте, да еще в кустах, за кабанчиков. Я замер, и Дембель, на наше счастье, тоже. Мне пришлось окрикнуть старшину по фамилии, и это, полагаю, спасло нас от пулеметной очереди. Подойдя ближе, я увидел старшину сидящим на ветвях дуба в позе Соловья-разбойника, а рядом

по бокам расположились его подручные, ствол пулемета смотрел в направлении, из которого мы только что вышли. Это обстоятельство подсказало мне: группам надо охотиться раздельно, в разные ночи. Так мы и сделали, но следующие две ночи не дали результата.

Наш суточный объем пищи приближался к объему пайка блокадного города, настроение падало пропорционально уменьшению пайка. В очередной раз я вышел на охоту, в то время как бойцы со старшиной отдыхали. Дембель почти освоился с ролью охотничьей собаки, видно было, что ему даже приятна эта роль, и вел себя уместно – бежал впереди меня метрах в двадцати-тридцати, изображая поиск дичи. Наступало утро, видимость была сносная, хотя на землю упал негустой, в виде дымки, туман. Было довольно прохладно, чувствовалось слабое движение воздуха, которое еще нельзя было назвать ветром. Установилась предутренняя тишина.

Вдруг пес остановился и начал принюхиваться. И в это время из кустов с большим шумом прямо-таки выпрыгнул, как чертик из табакерки, здоровенный секач (матерый кабан). Как мы потом установили, исследовав следы их изыскательной работы, кабан со своим гаремом (пять-шесть свинок) и поросятами кормился под дубом желудями. Я находился довольно далеко от него, поэтому меня он не учуял (иначе увел бы все стадо – с человеком дикие кабаны без нужды предпочитают неконтактировать), а уловил запах пса, которого генетически относил к «врагам народа», и, не раздумывая, решил использовать свое преимущество – напасть первым. Секач, прыжком оказавшись перед этим дальним родственником волка (естественно, Дембель даже не догадывался о наличии у себя таких родственников), рылом, на котором красовались два здоровенных клыка, сделал движение, напоминающее удар боксера, в сторону незадачливого пса-охотника. Но Дембель за мгновение до этого понял ситуацию – «было время его предкам разбрасывать камни, а теперь ему настало время делать ноги» – и успел развернуться по направлению ко мне, предполагая встретить опасность под моей защитой. Удар клыков секача пришелся ему в мякоть задней лапы. Пес коротко взвизгнул и метнулся ко мне, по пути преобразуя полученную кинетическую энергию в скорость. Тут он добился большого успеха – такой скорости от него никто не ожидал, включая кабана. Мгновение – и разрыв между кабаном и псом увеличился метров до десяти. За это время я успел вскинуть автомат и выпустить очередь из шести патронов. Поскольку каждый второй патрон в магазине был трассирующий, я видел примерную траекторию выпущенных пуль: первые две пули прошли перед кабаном, а три пули попали в цель, причем одна трассирующая пуля срикошетила от покатого лба и ушла, набирая высоту. Кабан рухнул, не добежав

до меня метра три.

Я не стал размышлять, что бы было, если бы я не попал в эту живую торпеду. Дембель стоял позади меня, шумно и часто дыша, шерсть на загривке стояла дыбом, из раны на лапе обильно текла кровь. По выражению его морды было видно, как он сильно напугался. Пес медленно приходил в себя от испуга и спринтерского забега. Я подошел к кабану, ткнул его стволом автомата – тот был неподвижен. В это время самообладание, поплутав, вернулось к своему хозяину, то есть к Дембелю, и втиснулось в его вспотевшую душу. Прихромав к поверженной туше бывшего грозного противника, он обошел ее вокруг и, неожиданно сделан выпад, укусил коротко за ногу секача – никакой реакции! Тут уж пес окончательно осмелел – начал отрывисто лаять на тушу, а в промежутках лая хватать зубами за шкуру. Всю его суету можно было перевести примерно так: «Что, фраер, лежишь, скучаешь? Ты на кого свои поганые клыки поднял? На нас, конкретных пацанов, подлец! Совсем все ранцы попутал!» После этого он попытался пометить тушу кабана, но я пресек это вольнодумство, и он ограничился меткой на ближайших кустах.

Вскоре послышался топот солдатских сапог и на полянку выбежал старшина с двумя бойцами, прибежавшие на звуки выстрелов. После радостных воплей и телодвижений, напоминающих танец древних охотников, кабана быстро освежевали и понесли к нашему блиндажу. Сзади этой процессии плелся Дембель, именно плелся, поскольку его обычный бег ограничивала раненая лапа, но больше всего мешал раздувшийся живот, куда он упрятал все отходы разделки туши.

Таким образом проблема с мясом была решена. В этот же день старшина, взяв с собой одного бойца, ушел в сторону границы полигона и пришел через пару часов с мешком картофеля и моркови. В нашем положении это был уже кулинарный изыск, и его появление объяснил тем, что он якобы позаимствовал овощи у бедных зверушек, то бишь кабанов. Оставалось добыть хлеб и соль. Вечером у меня со старшиной состоялся следующий разговор.

– Товарищ лейтенант, у меня есть идея добычи хлеба, но мне необходим плавающий танк ПТ-70.

Плавающий танк был в группе нашей техники, и мы его периодически использовали в поездках за питьевой водой к ближайшему роднику.

– Уж не хочешь ли ты организовать маленький «экс» с применением танка?

– Нет, никакой уголовщины, тем более международной. Вся процедура будет проходить под вашим контролем.

Затем старшина поведал мне свое видение решения хлебной проблемы. Не заметив каких-либо серьезных причин, препятствующих реализации этого хитроумного плана, я дал добро для наступления светлого «хлебного» завтра, пообещав взять под контроль обе части этого уравнения.

Ранним утром я подошел к стоянке боевой техники. Возле плавающего танка меня ждал старшина, механик-водитель находился на своем месте, на люке башни сидел Дембель и, пользуясь свободным временем, зализывал свою рану на ноге. Мы расселись на броне и тронулись в путь. Проехав с десяток километров по лесной дороге мимо дубовых и буковых рощиц, выехали на большую поляну, на краю которой расположился полевой хлебозавод наших союзников чехословаков. Они также были задействованы на учениях и по этому поводу развернули свои тылы. Хлебозавод представлял собой большую армейскую палатку, окруженную временным дощатым забором, выкрашенным в защитный цвет. Старшина подошел к забору, отодвинул одну из досок и кому-то крикнул. Из проема показался один из работников завода в белом переднике, очевидно солдат срочной службы, и передал старшине большой каравай хлеба, прошел к танку, сел на место механика-водителя, который, в свою очередь, перебрался на броню возле люка и подключил свой шлем к внутренней связи танка. Затем, подсказывая этому пекарю порядок вождения машины, начал движение на самой малой скорости по кругу диаметром метров триста. Закончив круг, пекарь освободил место следующему любителю вождения боевой техники, который закрепил свое желание очередным караваем хлеба. Старшина бережно складывал хлеб в заранее приготовленный мешок. Таким странным образом в мешке накопилось около десятка караваев армейского чешского хлеба. Последние два любителя расплатились за этот «мастер-класс» вождения двумя килограммовыми армейскими мешочками поваренной соли, которая была для нас весьма кстати. Закончив «операцию», мы так же незаметно по лесной дороге удалились в свой лагерь.

Так весьма оригинальным способом старшина нашел путь решения продовольственной проблемы, и мы даже создали некоторые излишки в виде солонины и копченого окорока. Прошли годы, но я всегда вспоминал этого старшину добрым словом – вот, что значит, человеку быть на своем месте!

После возвращения в учебный центр служба и, соответственно, наша жизнь пошла в прежнем русле. Самым примечательным в этом потоке служебных будней был, пожалуй, распорядок дня Дембеля и поступок, который он совершил на основе «своих убеждений» и воспитания.

Первое знакомство Дембеля с командиром полигонной команды произошло при интересных обстоятельствах. Командир в звании майора недавно прибыл на полигон, сменив своего предшественника, и сразу же начал «закручивать гайки» по дисциплине полигонной команде. Первым делом он решил проконтролировать утреннюю побудку личного состава команды. Для этого он пришел в казарму за несколько минут до подъема. Тут надо сказать, что у Дембеля уже выработалась к тому времени устойчивая привычка всеми правдами и неправдами проникать в казарму на ночлег, где иногда позволял себе спать в ногах на постели одного из своих многочисленных «кентов».

Поскольку казарма считалась долгое время полевым сооружением, кровати отсутствовали, а вместо них были смонтированы деревянные лежаки, на которые стелился весь комплект постельного белья. Майор был добросовестным командиром, потому вникал во все мелочи солдатского быта, в том числе интересовался условиями для сна своих бойцов. Сейчас он проходил казарму вдоль спальных мест в сопровождении дневального. Помещение освещалось ночными светильниками, что едва позволяло различать спящих бойцов. Вдруг он остановился около одного бойца, рукой с зажатой в ней палочкой (ее он только что изъял с тумбочки дневального как предмет, недопустимый по уставу) показал на постель одного из бойцов и приглушенным голосом сказал:

– А это что за оригинал, который укрыл ноги какой-то меховой… жилеткой? Ему что, холодно или он больной?

Одновременно майор палочкой слегка ударил жилетку, стараясь сбросить ее с постели. После удара «жилетка» неожиданно взвизгнула, подпрыгнув, сиганула с лежака, стремглав преодолев расстояние до выхода из казармы, самостоятельно открыла входную дверь (причем дверь открывалась внутрь помещения) и скрылась в утреннем тумане. Майор оторопел от таких аномальных свойств «меховой жилетки» и некоторое время приходил в себя. Его мировоззрение, длительное время испытывавшее давление от войсковых уставов, в тот момент не допускало мысли, что на постели в ногах у солдата может лежать пес, но реальность открыла ему глаза на эту «суровую

действительность».

Преодолев последствия психологического удара, после того как сердце начало биться, а затем достигло более или менее нормальной частоты сокращений, он увел дневального к тумбочке и длительное время внушал ему мысль о недопустимости нарушения санитарного режима спального помещения, а в конце «разноса» наложил «табу» на посещение Дембелем солдатской казармы. С точки зрения бойцов, у этой истории был только один положительный момент – дневальный прокричал свое обычное «рота, подъем!» на десять минут позже. Ну а отрицательные последствия заключались в каждодневном переходе Дембеля перед ночным сном на нелегальное положение. Вечером он как разведчик-нелегал проникал в казарму и забивался под лежаки в дальний угол, при этом дневальные делали вид, что не заметили этого факта. Утром, во время подъема, он выползал из своего «схрона» и, беспрерывно зевая, садился около тумбочки дневального, ждал общего построения на зарядку. Дневальные, помня о наложенном табу, обычно начинали легонько подталкивать пса к выходу из казармы, приговаривая, что, дескать, возможно, сейчас придет командир. Дембель послушно выходил на крыльцо казармы, где доводил свою программу позевывания до конца. Наконец бойцы выстраивались в колонну и начинали бегом двигаться к спортивному городку. Вместе со всеми он какое-то время бежал позади колонны, а затем как-то незаметно менял курс на столовую, где его ждали кости из «утреннего бульона». В это время солдаты, закончив зарядку и утренний туалет, готовились к построению на завтрак. Дембель бросал все дела и бежал к казарме, где нетерпеливо ожидал построения колонны, всем своим видом говоря: «Наконец-то завтрак, а то мой желудок решил, что рот у меня закрыт на ремонт!». Бойцы выстраивались, а Дембель становился позади строя и шел со всеми в столовую, где продолжал злоупотреблять своей дружбой с поварами.

К слову сказать, эта дружба переросла вскоре в некое подобие симбиоза (существование на взаимовыгодных условиях), после того как пес обнаружил у себя приверженность к охоте на крыс. Надо ли говорить, какое отношение было у персонала столовой к этим «исчадиям ада», которые портили не только продукты, но, главное, служебные характеристики поварам, а также начальству продовольственной и санитарной службы!

Эта приверженность к охоте у пса обнаружилась совершенно случайно. Однажды работники столовой дали своему любимцу на «обработку» несколько косточек, и Дембель обстоятельно занялся одной из них. Остальные лежали

невдалеке и ждали своей очереди. В это время одна из крыс решила сменить свою «дислокацию». Для этого ей необходимо было пробежать несколько метров открытого пространства, и как раз около «объекта гастрономического обожания» пса. Дембель в это время самозабвенно грыз кость, но бдительности не терял – весь «пока что неприкосновенный запас» находился в поле его внимания. И вдруг он замечает, что какая-то наглая крыса бежит в сторону «стратегического запаса» и, возможно, хочет покуситься на него, то есть на его собственность. Поскольку пес обладал еще и «сверхжадностью» (как подметил прапорщик Борщ), Дембель мгновенно метнулся, поймал бегущую крысу и незамедлительно подверг ее наказанию в виде «высшей меры». Все это действо происходило на глазах персонала столовой, которые радостно загалдели и тут же наградили его конфетой, что соответствовало высшей степени поощрения.

Надо сказать, что пес, пресытившийся косточками и мясными отходами, готов был вывернуться наизнанку ради сладкого. Эта причинно-следственная связь вначале дала толчок к возникновению у него устойчивого желания ловить крыс, а после кратковременных тренировок, организованных заведующим столовой, закрепилась в его сознании, и он уже преднамеренно время от времени организовывал охоту на этих столовских «приживалок».

Дальнейшие действия Дембеля были уже исключительно его «разработкой». Он с пойманной и уже «наказанной» добычей подходил к любому военнослужащему и начинал пристально, не мигая смотреть на него, тем самым как бы предлагая «обменять» ее на что-нибудь сладкое. Все знали эту особенность его «бизнеса» и никогда не отказывали псу в сладком поощрении. Правда, через некоторое время он начал злоупотреблять этой схемой обмена.

Получив конфету или леденец, он бросал свой охотничий трофей и начинал разжевывать полученный «гонорар». За эти пять-шесть секунд необходимо было забрать крысу или, во всяком случае, изобразить полный обмен, иначе Дембель повторно брал свой «предмет мены» и шел с аналогичным «предложением» к следующей группе военнослужащих. Чаще всего срабатывала природная брезгливость солдат к этим мерзким грызунам, и пес с одной крысы имел несколько конфет, пока кто-нибудь не закапывал «объект его бизнеса».

Однажды псу вместо конфеты дали в качестве поощрения сладкую жевательную резинку. По выражению прапорщики Борща, это был «полный атас» (прапорщик был кровно заинтересован в результатах этого «бизнеса» и поэтому по возможности старался исключить «жульничество» с обеих сторон). Получив

жвачку, Дембель по привычке несколько секунд жевал ее и попытался проглотить. Но не тут-то было! Резинка прилипла к зубам (видимо, ему попалась самая дешевая и соответственно некачественная, плюс собачья слюна), пес повторил попытку – безрезультатно! Он начал заметно беспокоиться: закатывал глаза, мотал головой, лапой пытался выковыривать резинку из пасти и снова жевал. Проводил процедуру освобождения от этой «липучей напасти» лежа, стоя и даже сидя. Но все безуспешно!

Когда широко раскрывал пасть, было видно, как между верхними и нижними рядами зубов наличествуют многочисленные нити из разжеванной резинки. Этот «атас» продолжался минут двадцать под беспрерывный хохот солдат, после чего ему все-таки удалось проглотить этот «жевательный кошмар». Напоследок Дембель громко рыгнул и, забыв про предмет бизнеса, побежал запивать водой «полученное удовольствие».

Впоследствии пес научился поглощать жевательную резинку без каких-либо проблем, и, к великому сожалению, подобных «атасов» больше не наблюдалось.

После завтрака наступало время общего построения – развод на занятия. Пес зарывал поблизости все «необработанные» им кости и бежал на построение. Помня о том, что если сильно «выпендриваться», то можно нарваться на неприятность, он скромно садился на левом фланге позади строя солдат. Заканчивался развод, и все, в том числе Дембель, шли в полевой парк на обслуживание техники.

Там он деловито обегал всю территорию, подновляя свои «маркеры», и иногда заходил в каморку к начальнику парка – старшине-сверхсрочнику, просто так, засвидетельствовать свое почтение.

Этот старшина был знаменит по двум причинам: анатомической особенностью – имел такой нос, что из-за его «парусности» ветром ему всегда разворачивало голову, и своим добродушием.

Однажды весной пара ласточек слепила гнездо… прямо в коридоре пропускного пункта парка. Коридор был длиной метра три и высотой около двух с половиной метров. Посреди коридора стояла пропускная вертящаяся дверь, а дневальный сидел в соседней с коридором комнате, где окно выходило прямо на вертушку. Входная дверь в коридор была снята и находилась на ремонте уже пару недель.

За это время ласточки облюбовали место для строительства и прилепили свое гнездо под потолком у выходной двери. Все были мило и радужно, но, когда дверь после ремонт была повешена на свое место, у ласточек возникли проблемы, которые еще многократно усилились, когда вывелись птенцы. Начальник полевого парка, старшина, был очень отзывчивым человеком, учел отчаянное положение родителей-ласточек и перенес своим приказом место дневального к входной двери снаружи пропускного пункта. Кроме того, он обязал дневального открывать дверь при подлете ласточки и выпускать ее после кормления птенцов. Такая трогательная забота о неразумных братьях наших меньших сделала старшину популярным во всей дивизии, добавила ему авторитета. Эта история произошла задолго до моего приезда в учебный центр, и слышал я ее только в изложении своих коллег, но гнездо под потолком КПП видел, оно висело там еще несколько лет.

Пробыв в парке час-полтора, Дембель тихо, незаметно исчезал и появлялся опять же в столовой, где, если не получал на «обработку» новые кости, находил свои «курки», и процесс «обработки» костей продолжался. По каким-то ведомым лишь ему признакам он чувствовал приближение обеда, откладывал все дела и возвращался в полевой парк. Там нетерпеливо суетился, дожидаясь построения бойцов в походную колонну, как бы говоря: «аппетит приходит вовремя, а построение опять задерживается» – и вместе со всеми шел в столовую на обед. В столовой (естественно, на крыльце служебного хода) съедал приготовленную для него порцию каши с мясом или другого блюда, в зависимости от суточного меню. После обеда в составе колонны, но уже нехотя, как приговоренный к сожжению на костре в поисках дров, возвращался в парк, где неоднократно был замечен в «праздном времяпрепровождении» – попросту говоря, в послеобеденном сне. По окончании дня возвращался с подразделением в казарму и тут же уходил в столовую, где вновь предавался чревоугодию. Там находился до начала ужина личного состава, а после ужина, опять же в конце колонны, шел в клуб на ежедневный сеанс фильма.

Фильмы показывали в относительно большом помещении с тремя рядами по пять кресел и экраном, который висел над невысокой сценой. Экран был самодельный, сшитый из белого простынного материала. Дембель заходил со всеми в это помещение, ложился недалеко от сцены в проходе между рядами, как только гас свет, клал свою буйную голову на передние лапы и засыпал. Спал настолько безмятежно, что иногда даже храпел. Именно на таком сеансе произошел случай, изменивший беззаботную жизнь Дембеля в еще лучшую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/genin_gennadiy/ohotnichiy-dekameron

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить